

ОТ РЕДАКЦИИ

Утвержденцы — не политическая партия. Утвержденцем может быть и национал-максималист, и евразиец, и неонародник («новоградец») и даже устряловец, — не отказываясь ни от своей программы, ни от своей организации. В утвержденчестве сплетаются все отдельные пореволюционные тропинки, сливаясь в широкую торную дорогу.

Утвержденец, принадлежащий к любой самостоятельной группировке, отличается от других рядовых ее членов только тем, что не считает себя и свое течение единственным и монопольным носителем абсолютной истины, равно-обязательной для всех людей пореволюционного сознания. Для утвержденного его правда — лишь часть (ему наиболее близкая) той **общей для всех истины**, которая заложена в великой и многообразной Российской Идее. Для утвержденного его истина и истина его «идеологических соседей» не взаимоисключающи, а взаимно дополняют друг друга. Преодолевая свое **частное ради общего** — он признает настоятельную необходимость оформления единой синтетической пореволюционной идеологии, призванной интегрировать все то ценное, что в отъединенном и неполном виде наличествует в целом ряде отдельных конструкций.

Таким образом утвержденчество есть прежде всего стремление к сочетанию и сосредоточению усилий ныне разрозненно-ищущих пореволюционных направлений.

Утвержденцы, конечно, вполне отдают себе отчет в чрезвычайной трудности (чтобы не сказать: непосильности) лежащей на них задачи: «формулировки Российской Исторической Идеи в ее проекции на современность» («Утверждения» № 1). Ибо они видят незавершенность всех до сего времени произведенных опытов; сознают, что все наспех сколоченные

системы — еще далеки от того всеобъемлющего нового, **социального христианского мировоззрения**, которому суждено **определить собою** грядущую эпоху истории человечества.

...Истинный утвержденец — всегда противник «партийного шовинизма»; он знает, что почти все новые объединения по своему людскому составу слеплены пока еще «на черную»; что целый ряд деятелей попал именно в данную, а не в другую организацию — случайно, по условиям времени и места; что много еще предстоит всяческих переделов.

Ставя своею целью идеологическое объединение пореволюционных течений — мы предостерегаем свою молодежь от одного из весьма развитых в эмиграции (особенно в дореволюционной ее части) методов размножения организаций: не по способу «почкования», а по способу «деления». Это только распыляет силы, а задача времени — всемерное их средоточие. Мы допускаем, что бывают случаи, когда размежевание и уточнение взаимно-позиций действует благотворно: тогда, когда оно совершается для дальнейшей, более целесообразной координации самоопределившихся сил; но оно вредно и недопустимо, когда ведет к самозамыканию в атмосфере секты — атмосфере по своему характеру наиболее дореволюционной.

Чтобы все наши размежевания были жизненосны, надо прежде всего совместными усилиями «вынести за скобки» все то общее, что у нас имеется (а его не мало), утвердить роднящую всех нас историческую интуицию, совместно сформулировать хотя-бы краткий пореволюционный «символ веры». Только при таких условиях эти наши «пределы» станут бродилом творчества, а не разрушения.

Надо выявить общие многим из нас ошибки, не бояться открытой, творческой самокритики. Пусть противники радуются обнажившимся нашим ранам: свет и чистый воздух — лучшее лечебное средство.

Раз новая, надвигающаяся эпоха — действительно эра синтеза, как мы все в это верим, — мы должны начать в первую очередь с самоперевоспитания, — должны укрепить в своей среде дух содружества и сотрудничества — если хотим быть участниками грядущих событий, а не бездейственными их созерцателями.

Исходя из этих соображений утверденцы горячо приветствуют всех застрельщиков новых веяний во внутри-партийной практике молодых группировок; приветствуют стремление направить свои коллективы по пути «концентрического», а не «эксцентрического» действия. Тех, которые поняли, что в самой идее пореволюционности уже заложены принципы строительства, организации и объединения — а не разделения, дезорганизации и разрушения.

И все же в первую очередь мы обращаемся не к «организованным»: сейчас существенно не их (ими или за них уже предпрешенное) отношение к поднятым нами вопросам. Наибольшее значение для успеха движения в целом будет иметь та еще «не самоопределившаяся» среда, та масса ищущей молодежи, для которой все эти вопросы — не игра политических карьер в эмигрантском масштабе, а нечто неизмеримо более важное, заветное, первоосновное.

Успех «Утверждений» и вызванный журналом отклик в среде молодой смены, действенная поддержка, оказанная молодежью нашему начинанию — доказывают правильность взятой нами с самого начала надпартийной «генеральной линии».

Создавшиеся на местах кружки утвержденных, в которых дружно сотрудничают и совместно ищут представители различных пореволюционных течений — залог дальнейшего успеха объединительных тенденций. Наш журнал стремится подать пример: нет ни одного такого пореволюционного органа печати, у которого не было-бы общих с «Утверждениями» сотрудников и на наших страницах обсуждаются проблемы современности под весьма различными углами зрения. Мы стремимся создать из журнала ту реторту, в которой начнут впервые свободно и гармонически сочетаться основные элементы пореволюционного мирозерцания. Так называемую «чистую политику» мы выделили в настоящей книге в особый дискуссионный отдел, в котором пытались так собрать тезы и антитезы, чтобы дать возможность читателям самим разобраться во многих, ныне столь запутанных, вопросах. Мы еще раз подчеркиваем стремление журнала: не столько убедить в чем-либо свою «читательскую общину», сколько облегчить ей возможность самостоятельного и сознательного выбора пути.

Мы хотели-бы, чтобы национал-максималист и «младоросс», иностранец и евразиец, «имперец» и «неодемократ» в равной степени считали-бы «Утверждения» своим органом. А когда утвердится идейное единство — до организационной федерации останется только один шаг.

...Нас несколько раз спрашивали о том, в какой степени Редакция берет на себя ответственность за печатаемый ею материал. Наш журнал — орган широкой концентрации. Мнения каждого из сотрудников естественно совпадают во многом с основной линией журнала, выраженной в редакционных статьях; но кое-в-чем иногда с нею и расходятся.

То, что не сходится с нашими основными положениями — утверждается каждым сотрудником, как личное его мнение.

В пределах широких пореволюционных установок мы стремимся оградить возможно большую свободу суждений, как лучшую гарантию творческих возможностей для наших исканий. Однако нам нередко присылают и такие статьи, в которых хотя и выдвинуты новые или интересные положения, — но все-же содержатся и оценки, слишком уж выходящие за намеченные нами рубежи. Для таких статей введен, начиная с настоящей книги, особый отдел, в котором они, при наличии достаточного места, и будут помещаться «в порядке обсуждения».

...Нас многие склонны осуждать за то, что мы «живем в будущем», недостаточно сосредоточены на настоящем. Наша устремленность в будущее — конечно, факт; она отчасти обусловлена так сказать «биологически»: журнал поддерживается почти исключительно молодежью. Разве не естественнее ей жить порывом в будущее, чем цепляясь за прошлое?

Но есть и другие соображения, оправдывающие такое положение вещей. Если-бы вопрос «о захвате власти в России» ставился сейчас, немедленно — можно и нужно было-бы может быть говорить о проблемах исключительно актуальных — хотя в таких условиях сегодняшний день требует обычно уже не рассуждений, а действий, притом не «с кондачка», а логически вытекающих из заранее продуманных основоположений. Но ведь мы еще не знаем «времен и сроков» — и они едва-ли так непосредственно близки сейчас. Как-же можно готовиться к грядущему заранее, если всякая творческая мысль о будущем

клеятся, как «футуризм»?

При всех условиях мы должны помнить, что история движется, что ритм эпохи ныне ускорен до предела, — и что тот, кто поглощен проблемами сегодняшнего дня часто оказывается способным их разрешить лишь тогда, когда они, незаметно для него, уже стали проблемами дня вчерашнего.

Пореволюционная установка, установка на «завтра», помогает нашей молодежи еще в другом: она достаточно четко отграничивает ее от мировоззрений дореволюционного и революционного периода — позволяя притом вбирать в свою идейную конструкцию все то положительное, творческое и вечное, что наличествовало в обоих зигзагах культурно-исторического становления великой семьи российских народов. Именно благодаря этой полной «свободе выбора» едва-ли особенно заблуждаются пореволюционные молодые, когда утверждают: не национал-монархисты, а мы понесем хоругвь русского мессианского призвания; не крупно- и мелко-буржуазные группы, а мы подыдем знамя свободы и нового права; не мелкосоциалистические партии, а мы утвердим социальную правду и справедливость; не коммунисты, а мы окончательно выпрямим искривленную линию русского национально-исторического развития; не они, а мы завершим революцию, ибо на нас, молодых, лежит великая миссия — открыть для России одну из красивейших страниц ее истории...

...Нас осуждают еще за перевес идеологического начала над программным. Мы полагаем, что в условиях данного этапа развития нашей Идеи, итти на ее вульгаризацию — значит не только убить Идею религиозно и морально, — но и подорвать возможность правильного, органического ее развития в России. Итти туда с преждевременно-сниженной конструкцией, — что на охоту с ружьем, заряженным уже выстреленным патроном...

Мы думаем, что составлять за границей подробные программы — в лучшем случае наивно. Здесь возможно лишь довольно своеобразное положение, при котором надлежит сочетать только: идеологию (как цель) и тактику (как путь). Мы живем в исключительно-динамическую эпоху — и программа, как нечто одновременно мало-подвижное и сниженное наименее нужна в своем прежнем, дореволюционно-устойчивом смы-

сле. Вот почему теперь жизненно лишь сочетание незабываемой, вечной идеологии — с крайне подвижными, чисто-тактическими и кратковременными программами-минимум.

До революции реализм был всегда синонимом минимализма, а максимализм — нереальности. Пореволюционный синтез должен будет спаять и это расщепленное в прошлом единство. По формуле Бердяева: «исторически-действенным может быть лишь соединение максимализма идеи с большим реализмом в понимании действительности и гибкостью в способах осуществления идеи». Как раз на этих путях мы и видим сочетание данного с заданным, духовно-опьяняющей Российской Идеи с ее трезвой проекцией на действительность.

...Представители дореволюционного мира упрекают нас за то, что мы все еще в стадии становления и искания — т.е. за то, что мы непредвзято ко многому подходим, не признаем ничьих монополий на те или иные идеи, ищем новые формы, новые дороги.

Оговариваемся: мы сами не ко всякому виду исканий относимся одинаково сочувственно. Одни ищут — но боятся найти, боятся — найдя, быть обязанными принять решение; боятся — решив, взять на себя ответственность; некоторые даже любят собственную нерешительность, находя в ней чуть-ли не признак «превосходства над толпой». Такой «буриданнизм» — явление, увы, достаточно распространенное в эмиграции, особенно среди начинающих поэтов и писателей. Такое «искание» мы считаем не только бесполезным, но и вредным. К счастью, оно в пореволюционной среде встречается не часто.

Другие ищут лишь «для виду» — в душе они давно все «предрешили» (или все было предрешено за них); эти люди способны аргументировать только при помощи выкриков, вожаки руководить ими — при помощи окриков; они не прочь иногда прибегнуть и к рукоприкладству, «за ненахождением слов». С этой стороны нам грозит опасность худших форм опошления больших и высоких идей.

Наконец, третьи ищут — столь же может быть мучительно, сколь и первые — но ищут, чтобы найти; а найдя — мысль претворить в действие. Это и есть путь, которым должны идти люди пореволюционного мировоззрения.

Но всякое искание, чтобы быть целесообразным, должно быть как-то «ориентировано» — иначе оно расплывется и станет беспредметным. Искание должно быть созвучно социальному заказу истории. И весь наш культурно-исторический «заряд», являясь с одной стороны субъектом динамики предстоящего периода — должен быть для нас самих одновременно еще и объектом самого внимательного и углубленного изучения.

Всякая ориентировка определяется целью движения. Наша цель установлена достаточно ясно: устройство нового социального уклада, одновременно анти-капиталистического и анти-коммунистического, на основах христианской правды.

Что-же касается области конкретного строительства новой жизни, — то здесь придется, разумеется, исходить из нынешнего советского государственного устройства, постепенно и последовательно внося в него поправки и коррективы, соответствующие нашим основным мирозерцательным установкам.

Надо-ли говорить, что первой из этих поправок должно явиться утверждение идеи **свободы**? И второй — корпоративно-кооперативного союзного государства?..

...Нас много раз допрашивали о нашем отношении к коммунистической власти (особо добросовестные критики склонны были считать его даже двусмысленным); некоторые задавали вопрос, с кем мы собственно ищем сближения — с современной Россией или ее властью? Ответим еще раз (если это только нужно): к коммунистической власти мы относимся **непримиримо** и сближения с современной Россией ищем «через голову как эмигрантщины, так и коммунистической опричнины».

Для людей пореволюционного сознания спор между «Россией белой» и Россией «красной» уже давно отошел в прошлое, в область истории — и наша непримиримость по отношению к комвласти исходит из совершенных иных, нежели у перво-эмигрантов, оснований. Наша позиция — вне или даже, правильнее сказать, **над** этим, ныне устарелым, спором. Мы сейчас революционно настроены по отношению к одним только коммунистам, — но это потому, что **лишь они одни** в настоящих условиях нам мешают и мешать способны.

...Некоторых эмигрантских молодых, недостаточно еще продумавших проблему, иногда пугает наше желание найти форму

воплощения наших построений именно в условиях советской жизни, построить аргументацию, могущую воздействовать на сознание молодых вузовцев, ударников и выдвиженцев. Неужели не ясно, что путь России — это как раз путь от советской действительности к осуществленной Российской Идее? Что иного пути и быть не может? И что не мы, а они будут призваны историей водрузить на стенах Кремля новые знамена?

Пусть то, что советская молодая смена сейчас исповедует, для нас неприемлемо. Для умеющих смотреть вперед важны не те мысли, которые эта молодежь ныне считает своими; существенно знать, как и куда растет, какому солнцу навстречу раскрывается ее сознание. А в этой области сами собой напрашиваются скорее оптимистические прогнозы...

Действительно, стоит задуматься — можно-ли вполне признать «марксистами» тех ударников и комсомольцев, что выносят сейчас на своих плечах тяжесть пятилетки, что работают сразу в нескольких отраслях при 16-18 часовой нагрузке... Неужели их «бытие» определяет их сознание? Не видим-ли мы, как во имя своего сознания, своей идеи, они ломают «бытие»? Не утверждают-ли они тем самым безотчетно примат идей над интересами, духовного над материальным? Как объяснить, что эти «матерьялисты» идут умирать за раскрепощение Индии, за китайскую свободу? Не потому-ли, что «защита всех угнетенных есть национальная миссия России?». И не есть-ли охвативший Россию строительный порыв — только бессознательное преддверие еще не проясненного мессианского служения?..

...Эмиграция в целом — за бортом исторического процесса. Единицы из ее среды стремятся не выпасть из темпа эпохи, идти в ногу с «державным шагом» нашей страны, судьбою брошенной в будущее. Но для нас этого мало: мы призваны быть идеологическим авангардом, мы должны ставить новые вехи на путях Истории, — быть действительно людьми России грядущего дня... Это трудно? Невыполнимо? Быть может...

Но это и есть тяжкий и радостный, тернистый и ответственный путь утверждения.

Париж. Апрель 1932 г.